

Расспрашивать никого не пришлось. Теперь Фу Цанчжоу настолько хорошо знал ауру Су Чжэня, что стоило лишь слегка прислушаться к собственным ощущениям, как он тут же определил, где тот находится.

Юноша направился напрямик к оружейному двору.

Мужчина тренировался с копьем. Каждое его движение дышало сокрушительной мощью и суровым величием.

Фу Цанчжоу, который изначально шел сюда с твердым намерением придраться к хозяину усадьбы, невольно замер. Слегка округлив глаза, он заворожено следил за каждым взмахом и выпадом мужчины на просторной площадке.

«До чего же хорош!»

Ему уже доводилось видеть духа копья в бою у ущелья Mingфэн, и тогда молниеносное, изящное мастерство Чанфэна совершенно его заворожило.

И только теперь Сяо Чжоу понял, у кого Чанфэн перенял свое искусство.

Впрочем, оно и неудивительно: пусть дух и зародился в самом оружии, это вовсе не означало, что виртуозное владение копьем досталось ему от рождения.

Прежде чем стать даром для офицера Лю, Чанфэн несколько лет бок о бок «прослужил» с Су Чжэнем, проносясь вихрем по полям сражений.

В те годы война между государствами Юй и Сянь полыхала с яростной силой, и они пролили реки вражеской крови, не раз пройдя сквозь горнило кровавых битв.

И пусть позже кисть-копье обрела нового владельца, каждое движение, каждый выпад духа уходили корнями к мастерству его создателя и первого хозяина — Су Чжэня.

«Брат Чжэнь невероятно крут, а его копье — и подавно!»

Способный наносить лишь «магический урон» новоиспеченный повелитель призраков мог только восхищенно вздыхать, мысленно слагая дифирамбы воинскому искусству своего покровителя:

Копье в руках его сверкает, как гроза,

Свободным вихрем ветер рассекая.

Какая мощь, какая ярость в тех глазах,

Пред этой силой даже громы умолкают!

Эти строчки он вычитал где-то совсем недавно и теперь, кхм, безбожно переиначил на свой лад.

Иначе с его весьма скромными познаниями в словесности в пустую голову лезла лишь одна-единственная пафосная фраза:

«Во всей вселенной лишь я один — владыка».

Вдоволь налюбовавшись зрелищем, юноша спохватился, вспомнив, ради чего вообще сюда пришел.

Он повернулся к дежурившему у входа стражнику:

— Брат Чжэнь все это время тренировался?

Шумин почтительно кивнул:

— Да, господин. Как только хозяин расстался с вами, он сразу направился сюда.

Фу Цанчжоу озадаченно нахмурился:

— Хм, странно.

Слуги в загородной усадьбе — от поваров на кухне до привратников у ворот — знали свое место и строго соблюдали дисциплину. Никто в здравом уме не посмел бы притронуться к чужой стряпне, тем более к супу, который он бережно томил на огне.

Да и у кого еще, кроме брата Чжэня — этого непризнанного гения кулинарного кошмара, — хватило бы творческого порыва превратить превосходный бульон в форменное недоразумение?

— Что именно тебе кажется странным?

Вздрогнув от неожиданного голоса, Фу Цанчжоу поднял глаза. Мужчина уже опустил копье и размашистым шагом шел прямо к нему.

Юноша не стал отвечать прямо, лишь спросил в ответ:

— Уже закончил?

— Просто размялся немного, — спокойно отозвался Су Чжэнь.

— А что это за стиль? Выглядит невероятно мощно... Тебя кто-то обучал? — с любопытством поинтересовался Фу Цанчжоу.

Раньше он в шутку называл это «копьем семьи Су», но теперь ему действительно стало интересно.

— Ты преувеличиваешь, Сяо Чжоу, — негромко ответил Су Чжэнь. — У меня никогда не было наставников. — Он ненадолго умолк, после чего добавил: — Просто в свое время мне довелось изучить приемы множества разных школ.

— А, понимаю! — кивнул юноша. — Собрал лучшее от каждого мастера. Неудивительно, что все движения выходят такими плавными и выверенными, без единого лишнего жеста.

Сам он в ближнем бою умел разве что свирепо царапаться когтями и полагался в основном на магию, однако за плечами у него уже имелся настоящий боевой опыт, так что отличить хорошее боевое искусство от посредственного он мог без труда.

— Мне еще есть над чем работать, — отозвался мужчина.

Качнув головой, Фу Цанчжоу улыбнулся: «Да ты скромничаешь, брат Чжэнь!» Но тут же, загоревшись азартом, сменил тему:

— Помнишь, ты обещал научить меня своему искусству? Твое слово еще в силе?

— Разумеется, — низкий голос Су Чжэня прозвучал на удивление мягко. — Но воинское дело — тяжкий труд. Надеюсь, ты готов к этому, Сяо Чжоу.

Юноша горячо заверил, что готов терпеть любые лишения и усталость, так что нечего тянуть время.

Они вместе подошли к резной стойке с оружием, чтобы выбрать подходящее тренировочное копьё.

Только тут Сяо Чжоу осознал, насколько богато оружейное дело: в обиходе часто говорят о восемнадцати видах оружия, но здесь одних лишь разновидностей копий оказалось едва ли не столько же.

Он долго перебирал древки.

Наконец его взгляд упал на кисть-копье, которая очертаниями почти один в один повторяла

истинное обличие Чанфэна.

Оружие было умеренной длины, приятно лежало в ладони и казалось достаточно легким, а изящная форма наконечника выглядела благородно и грозно.

Решение пришло мгновенно — берем!

Су Чжэнь принялся терпеливо, шаг за шагом обучать юношу, направляя его руки.

Стоит признать, что молодой повелитель призраков, который при виде учебников по каллиграфии и вэньяню сразу принимал страдальческий вид, в боевых искусствах проявил поразительный талант. словно сама его суть была пропитана врожденным инстинктом воина.

Пусть раньше он никогда не держал в руках оружия и не утруждал себя тренировками, ему хватало одного взгляда на движения мужчины, чтобы в точности их повторить. Уже после третьей попытки копьё в его руках свистело так уверенно, будто он тренировался годами.

Наблюдая за успехами своего ученика, Су Чжэнь не смог сдержать легкого удивления в глазах. В его взгляде читались искреннее одобрение и гордость.

Сам же Фу Цанчжоу едва ли не плакал от восторга перед собственной крутизной. Знать бы раньше, что у него такой талант к боевым искусствам, он бы в прошлой жизни без раздумий пошел в спортивную школу, а не мучился над учебниками перед каждым экзаменом, рискуя облысеть от тоски!

Ладно, чего теперь ворошить прошлое.

А вот уроки брата Чжэня определенно пригодятся ему в этой жизни.

До сих пор во всех стычках он полагался лишь на прочность своего призрачного тела, мощь черного гроба да нехитрые заклинания. Настоящей боевой техники ему катастрофически не хватало, и при встрече с по-настоящему сильным противником он рисковал оказаться в уязвимом положении.

Обычное человеческое оружие бессильно против нечисти.

«Но что, если совместить физические приемы с призрачными техниками?»

От этой мысли сердце Фу Цанчжоу взволнованно затрепетало.

Если раньше желание овладеть копьем питалось лишь детским восторгом перед образом

благородного воина, то теперь он загорелся намерением освоить это искусство со всей серьезностью.

Один из всех сил старался постичь науку, а другой — терпеливо и бережно направлял каждый его шаг.

Время летело незаметно.

Описав копьём изящный полукруг, юноша обернулся к наставнику:

— Ну как?

Су Чжэнь не поскупился на похвалу:

— Могучий напор, способный сокрушить небеса.

Фу Цанчжоу сохранял невозмутимое выражение лица, хотя внутри у него все ликовало.

«Звучит красиво, но я ни черта не понял... Это из той же оперы, что и "владыка вселенной"? Брат Чжэнь, ты мне просто льстишь?»

Встретившись с глубоким, как озерная гладь, взглядом мужчины, он смущенно отвел глаза. Мочки ушей предательски запылали. В памяти почему-то всплыла глупая комедийная сцена с техникой «кокетливых взглядов». Проклятье, ну и бред лезет в голову!

Никто тут ни с кем не кокетничал.

Молодой повелитель призраков неловко кашлянул:

— Совсем из головы вылетело... — Ведь он пришел сюда вовсе не ради тренировки. — На моей кухне кто-то подшутил над супом — набросал в котелок кучу несъедобной травы и корней. Брат Чжэнь, признавайся, это не твоих рук дело?

Судя по словам Шумина, Су Чжэнь сразу после их расставания ушел на плац. Сяо Чжоу спросил это просто для того, чтобы скрыть смущение и сменить тему.

Как и ожидал юноша, тот ответил лаконичным отрицанием.

Кивнув, Фу Цанчжоу аккуратно вернул кисть-копье на место и проворчал под нос:

— И какому вредителю только в голову такое пришло...

Су Чжэнь на мгновение замялся, после чего негромко заметил:

— Мой старший брат питает непреодолимую страсть к поварскому искусству.

Фу Цанчжоу онемел.

«Только не говорите мне, что...»

О нет. Что он только что сболтнул про «вредителя»? Брат Чжэнь ведь не станет доносить на него своему державному родственнику? Юноша спал и видел, как обоснуется в столице, и навлечь на себя гнев самого императора из-за длинного языка ему совсем не улыбалось.

Иначе придется спешно собирать пожитки и бежать в соседнее государство Сянь.

— Хобби у Его Величества... — Сяо Чжоу натянул вымученную улыбку, — весьма неординарное. И близкое к народу.

Су Чжэнь покачал головой и бесстрастно обронил:

— Скорее уж это приносит близким лишь слезы, а недругам — радость.

Фу Цанчжоу едва сдержал смешок. Страх мгновенно улетучился, уступив место веселому любопытству. Судя по тону брата Чжэня, за этой короткой фразой скрывалась богатая предыстория.

— Что значит «близким лишь слезы»? — не удержался он от искушения подробнее расспросить о царственных причудах.

Мужчина скрытничать не стал и в нескольких словах обрисовал ситуацию.

Оказалось, правитель государства Юй душой отдыхал у очага. При этом он чрезвычайно гордился своими кулинарными талантами и считал, что лишь его родные брат и сестра удостоены чести вкушать эти шедевры. Прочим смертным вход к его столу был заказан.

Беда заключалась в том, что сам император свои кулинарные творения есть наотрез отказывался. Младшая сестра давно вышла замуж и покинула столицу. В итоге единственным благодарным — вернее, подневольным — ценителем монаршей стряпни оставался младший брат.

Поэтому император с каждым днем все больше входил во вкус, усердно фаршируя своего несчастного родственника.

Фу Цанчжоу посмотрел на стоявшего перед ним мужчину с глубочайшим сочувствием.

Если то варево в котелке действительно вышло из-под царственных рук...

«Да уж, нелегка доля членов императорской семьи», — мысленно усмехнулся юноша.

Теперь хотя бы прояснилось, откуда у Су Чжэня брались столь дикие идеи во время готовки. Это же классический пример дурного влияния старших! А может, страсть к кулинарному хаосу у них вообще текла в крови?

Отсмеявшись про себя, Фу Цанчжоу тихо вздохнул. Ну и что прикажете делать, когда сам император портит продукты? Не жаловаться же на него.

Время до ужина еще оставалось, так что Сяо Чжоу твердо решил сварить новую порцию. Раз уж пообещал угостить брата Чжэня домашним супом, отступить было нельзя. Но в этот раз он пообещал себе не отходить от печи ни на шаг.

Однако стоило ему выйти во двор, как он столкнулся лицом к лицу с евнухом Пинъанем.

— Вы на кухню, молодой господин? — мягко и дружелюбно улыбнулся тот.

Без своего привычного задора Сяо Чжоу лишь натянуто угукнул. В присутствии этого влиятельного придворного чиновника он невольно робел, хотя тот и вызывал у него жгучий интерес. Конечно, расспрашивать Су Чжэня об императорском слуге он бы не решился — с такими людьми стоило держать ухо востро и не совать нос куда не следует.

Перекинувшись парой дежурных слов, Пинъань негромко обронил:

— Ваш суп уже готов. — И, прихватив коробку со сладостями, неспешно удалился.

«Да знаю я, что он готов! Только разве этой отравой можно кого-то кормить?» — мысленно фыркнул юноша, искренне не желая травить своего покровителя.

Пусть Су Чжэнь и привык к кулинарным экспериментам венценосного брата, Фу Цанчжоу все же не собирался обрекать его на новые муки.

Продолжая мысленно ворчать, он вернулся на кухню и приподнял крышку глиняного горшочка. Увиденное заставило его застыть на месте в полном недоумении: перед ним исходил паром совершенно нормальный, золотистый бульон, в котором не плавало никакой лишней травы или сомнительных специй.

Он недоверчиво повернулся к повару:

— Что здесь произошло? Вы сварили новый?

Тот отвел взгляд в сторону и принялся испуганно переминаясь с ноги на ногу, запинаясь:

— Э-это... именно тот суп, что вы изволили поставить на огонь, господин.

«Чертовщина какая-то».

Юноша уставился на прозрачный, источающий восхитительный аромат бульон. На мгновение он засомневался в собственной адекватности. Неужели пара часов назад ему все просто померещилось? Или у него начались провалы в памяти, и никакой испорченной стряпни никогда не существовало?

Зачерпнув ложкой немного прозрачной жидкости, он осторожно пригубил ее. Глаза Сяо Чжоу округлились от удивления. Вкус был безупречным — куда глубже и тоньше, чем получалось у него самого!

Он вновь сурово уставился на повара:

— И ты по-прежнему утверждаешь, что это сварил я?

— Д-да... — едва слышно выдавил тот.

«Ври больше, сказочник».

Вспомнив недавнюю встречу у ворот, Фу Цанчжоу прищурился:

— А когда сюда приходил господин Пинъань?

Повар беззвучно зашевелил губами, не зная, что ответить.

Не дожидаясь оправданий, юноша сам закончил мысль:

— Часа два назад, верно?

Лицо бедняги сменило несколько оттенков. Он попытался что-то сказать, но Сяо Чжоу лишь махнул рукой:

— Ладно, забудь. Не буду тебя допрашивать. Занимайся своими делами.

Повелитель призраков лишь беззвучно вздохнул.

Выходит, Его Величество, устыдившись содеянного вредительства, решил по-тихому замести следы? И пока законный кулинар ничего не заметил, велел своему верному еврею спешно приготовить новую черную курицу?

Это было одновременно смешно и нелепо. Император великой державы, взрослый мужчина, а ведет себя как напроказивший мальчишка!

Фу Цанчжоу сокрушенно покачал головой.

В древности высокомерные министры выдавали оленя за лошадь, а здесь, стало быть, выдают чужой суп за его собственный?

Подхватив дымящийся горшочек, он направился к выходу. Ладно, не стоит снова переводить продукты. Если он затеет третью варку, к праздничному ужину на кухне просто не останется птицы.

В конце концов, кулинарный шедевр Пинъаня заслуживал того, чтобы оказаться на столе у Су Чжэня. А если брат Чжэнь откажется или не доест, Сяо Чжоу с удовольствием заберет остатки себе — суп действительно вышел на славу.

Канун Нового года

Едва они закончили с бульоном, как на улице с оглушительным треском начали взрываться первые праздничные хлопушки. Наступил канун Нового года.

Стол ломился от изысканных яств. Император Не, Су Чжэнь и Фу Цанчжоу устроились за одним столом, разделяя праздничную трапезу.

Поначалу юноше было не по себе. Он то и дело поглядывал на сидевшего рядом Су Чжэня, украдкой косился на величественного императора и чувствовал спиной напряженные взгляды застывших в отдалении слуг. Эта чинная обстановка сковывала его движения.

Однако за окнами грохотал веселый салют, а Его Величество, несмотря на свой суровый и грозный вид, вел с младшим братом самые обыкновенные, житейские разговоры. Он расспрашивал его о здоровье, делился мелкими заботами — словно самый обычный старший брат в простой семье. Постепенно Сяо Чжоу расслабился.

Такое простое семейное тепло было ему приятно. За столом царило уютное молчание, лишенное всякой неловкости.

Юноша поймал себя на мысли, что уже очень давно не праздновал Новый год в такой компании — с тех самых пор, как не стало его дедушки. Да и при жизни старика их праздничные вечера вдвоем всегда проходили тихо и уединенно.

— Чанлэ после праздников исполнится шестнадцать, — прервал тишину император Не. Он сокрушенно вздохнул: — Цзюньмао просит меня подыскать для нее достойного жениха среди талантливых юношей. Говорит, знатность рода значения не имеет.

Правитель снова вздохнул:

— Но все одаренные молодые люди слишком горды. Даже те, кто вышел из низов, ценят свою независимость превыше всего. Будь Чанлэ хоть трижды принцессой, гордецы не пожелают связывать жизнь с императорским домом, чтобы их не обвинили в корысти.

— Пусть Чанлэ выберет сама, — бесстрастно отозвался Су Чжэнь.

— Нельзя, — покачал головой император. — Ее мать утверждает, что девчонке подавай лишь смазливых щеголей да изнеженных красавцев.

— И что в этом плохого? — спросил Су Чжэнь.

— Совершенно недопустимо! — отрезал правитель. — Ты же знаешь характер своей старшей сестры. Она терпеть не может излишнюю мягкость в мужчинах и признает лишь суровую, истинно мужскую силу.

— Но разве Ван Боцань не был живым воплощением утонченности? — парировал младший брат.

Император негромко кашлянул:

— Когда это было! — Он предостерегающе поднял палец. — И не вздумай упоминать его имя при сестре, если тебе дорога жизнь...

Фу Цанчжоу, делая вид, что полностью поглощен едой, наострил уши и жадно впитывал каждую деталь этой беседы.

Поначалу он мало что понимал из их намеков, но постепенно в его голове сложилась общая картина.

Таинственная «Цзюньмао» оказалась великой принцессой Ицин, старшей сестрой Су Чжэня и самого императора. Видимо, это было ее детское имя, хотя звучало оно довольно сурово. Ван Боцань был ее бывшим мужем — классическим изнеженным красавцем. Что-то у них не заладилось, и принцесса в одностороннем порядке расторгла брак, затаив с тех пор глубокую неприязнь ко всем утонченным щеголям. А юная Чанлэ приходилась ей дочерью, и теперь вся императорская семья ломала голову, как выдать строптивую племянницу замуж.

«Кто бы мог подумать, что даже царским дочерям так непросто найти супруга», — мысленно подивился Сяо Чжоу.

Император Не словно прочитал его мысли:

— Воспитание дочерей — сплошная головная боль. А что, если... — Его осенила внезапная идея. — Брат Чжэнь, ты ведь говорил, что в поместье Поющих Ив устраивают Собрание воинственных героев, дабы выдать замуж дочь старейшины Лю? Может, и нам созвать великий турнир для лучших мужей Поднебесной?

— Как тебе угодно, — равнодушно обронил Су Чжэнь.

— Нет, глупости, — тут же передумал император. — Выбирать зятя — это не скотину на рынке присматривать. Брак должен крепить союзы влиятельных семей. Тут нужно все тщательно взвесить.

Фу Цанчжоу слушал его с нарастающим изумлением. Владыка государства Юй оказался на редкость приземленным человеком — его переживания из-за судьбы племянницы ничем не отличались от хлопот любого простого обывателя. Разве что сравнения он выбирал весьма специфические.

— И о тебе, кстати, — внезапно заговорил император Не, переводя взгляд на притихшего юношу. — Я слышал, ты успешно сдал экзамены на степень сюцая-стипендиата?

У Сяо Чжоу внутри все похолодело от дурного предчувствия. Су Чжэнь прекрасно знал, кто он такой на самом деле. Но для всего остального мира он оставался ученым по имени Фу Бай. Вдруг император заподозрит обман? Наказание за оскорбление величия могло быть суровым.

— Ты ведь прибыл в столицу, чтобы принять участие в осенних экзаменах? — продолжал расспросы правитель.

Фу Цанчжоу растерянно молчал.

«И что мне ему сказать?»

Дело дрянь. Неужели Его Величество решит лично проверить его познания в классической словесности прямо сейчас?

Поскольку юноша с самой первой встречи вел себя перед императором тихо и робко, тот не придал его заминке значения.

— Пожалуй, я пришлю к тебе пару опытных наставников из академии, — благодушно предложил император Не. — Пусть подтянут твои знания перед государственными испытаниями.

Сяо Чжоу одновременно одолевала благодарность и тихий ужас. Исключительно ради своего

младшего брата правитель готов был устроить ему столь завидную протекцию. Но вся проблема заключалась в том, что Фу Цанчжоу носил имя Фу Бая, не обладая и сотой долей его учености, и сдавать никакие экзамены не планировал!

К счастью, Су Чжэнь вовремя пришел на помощь:

— Не стоит беспокоиться, брат. Сяо Чжоу еще слишком молод. С осенними экзаменами вполне можно подождать несколько лет.

Каким бы неубедительным ни казался этот довод, император Не послушно кивнул. Или, скорее, просто не пожелал спорить с любимым братом. Окинув взволнованного юношу внимательным взглядом, он произнес:

— Что ж, раз о тебе заботится брат Чжэнь, мне действительно не стоит вмешиваться.

Фу Цанчжоу мысленно перевел дух, осыпая своего заступника безмолвными благодарностями. Наконец он сумел выдавить из себя негромкое:

— Благодарю вас, Ваше Величество.

Император лишь слегка приподнял руку, прощаясь, дал слугам последние указания и покинул обеденную залу. Праздничный ужин завершился без происшествий.

Однако Сяо Чжоу крепко задумался над тем, что его фальшивое имя нужно защитить как можно надежнее. Если правда всплывет наружу, у них обоих будут серьезные неприятности.

— Тебе не о чем беспокоиться, — раздался тихий голос Су Чжэня.

Теплая ладонь мягко коснулась макушки юноши.

— Я уже позаботился о твоих документах, а для брата у меня готово надежное объяснение.

Молодой повелитель призраков просиял, и его обычно тусклые темные глаза вспыхнули радостным блеском:

— Брат Чжэнь, ты просто чудо!

Он в тысячный раз мысленно благодарил судьбу за встречу с этим человеком.

— Ты спас мне жизнь, Сяо Чжоу, так что это сущие пустяки, — отозвался мужчина. — К тому же ты не принадлежишь к числу обычных смертных и не обязан подчиняться законам этого мира.

— Кое-какие правила все же стоит соблюдать, — улыбнулся юноша.

Но отказываться от помощи он, конечно, не собирался. Когда с его души свалился тяжкий груз, он весело подмигнул:

— Брат Чжэнь, не хочешь встретить со мной рассвет нового года?

— С удовольствием, — негромко согласился тот.

Свечи горели ровным, мягким светом. Они сидели вдвоем, ведя неспешный, тихий разговор обо всем на свете.

Вдруг редкие до этого взрывы хлопушек за окном слились в единый, оглушительный гул. Полночь миновала. Наступил новый год.

Сяо Чжоу не мог сдержать радостной улыбки:

— С Новым годом, брат Чжэнь! — И в шутку протянул ладонь: — Желаю богатства и процветания, гони праздничный конверт!

Мужчина молча посмотрел на него, а затем неторопливо извлек из широкого рукава... связку монет?

— Это тебе на счастье в новом году, — произнес Су Чжэнь.

Фу Цанчжоу присмотрелся. Монеты были необычными: круглые, с квадратным отверстием посередине, они превосходили размером любую ходовую медь или железо. Но самое главное — они были отлиты из чистого золота! Праздничный шнур соединял три золотые нити... Местный аналог красного конверта?

Подарок был невероятно дорогим, однако молодой повелитель призраков рассудил, что они с Су Чжэнем уже достаточно близки, чтобы не разыгрывать из себя излишне скромного гостя. Ему лишь сделалось немного неловко:

— А у меня для тебя ничего нет.

— Я старше, так что тебе не нужно дарить мне никаких... конвертов, — Су Чжэнь улыбнулся одними глазами, забавно повторив непривычное слово.

«И то верно».

Фу Цанчжоу мигом отбросил все сомнения и с широкой улыбкой принял золотую связку.

«Кажется, я прилично разбогател. Эх, если бы это еще были монеты преисподней...»

Вдруг в его голове раздался знакомый мелодичный звон — словно сама судьба откликнулась на его мысли.

[Система поздравляет Хозяина с Новым годом и дарит праздничный конверт с 10 монетами преисподней!]

Фу Цанчжоу потерял дар речи.

«Какая же ты скряга, система. С щедростью брата Чжэня тебе ни за что не сравниться».

С этими мыслями он тем не менее с готовностью нажал кнопку получения награды. Взглянув на панель заданий, он внезапно замер от удивления. Его единственное активное поручение только что обновило прогресс — теперь там значилось (2/3).

— Брат Чжэнь, — вспомнил он кое-что важное. — Как продвигаются поиски ивовых духов, которых ты приказал выследить?

Су Чжэнь подтвердил, что отряды Семисвездной гвардии обыскали множество отдаленных поселений по всей стране и действительно обнаружили несколько подозрительных деревянных идолов. К счастью, те деревянные фигурки не успели натворить бед. Безумный план Святой Матери Белого Лотоса удался в прошлый раз лишь благодаря стечению множества редких обстоятельств.

Сяо Чжоу удовлетворенно кивнул, чувствуя облегчение:

— В таком случае вели бойцам Семисвездной гвардии возвращаться.

— Но мы проверили еще не все окраинные провинции, — возразил Су Чжэнь.

Юноша напустил на себя загадочный вид:

— Мое чутье подсказывает, что все опасные артефакты уже уничтожены. Больше нет нужды тратить на это силы.

Люди брата Чжэня потрудились на славу. Пусть сам Сяо Чжоу и потратил кучу энергии на создание множества высокоранговых талисманов, он не ожидал, что гвардейцы справятся так быстро и безжалостно избавятся от всех идолов. Иначе система не засчитала бы выполнение второй фазы задания.

Теперь у него в запасе имелась одна бесплатная попытка в колесе фортуны. Поразмыслив пару секунд, он решил отложить лотерею. Будет куда приятнее запустить ее, когда вся цепочка

квестов закроется окончательно. Редкие сокровища из списка наград манили, но прямо сейчас у него не было в них острой нужды.

А вот пятьсот монет преисподней, обещанные за полное прохождение, пришлось бы как нельзя кстати. В последнее время заданий почти не прилетало, и он всерьез опасался остаться без средств к существованию. К тому же для создания зубных жетонов его верным духам требовалось немало ценных материалов, купить которые можно было только в магазине преисподней.

Попрощавшись с Су Чжэнем, он поспешил уединиться и открыл Универмаг преисподней. Внимательно изучая бесконечные списки товаров, юноша принялся тщательно планировать расходы, высчитывая каждую монету. За этими заботами ночь пролетела незаметно, и за окном забрезжил рассвет.

С первыми лучами солнца Су Чжэнь привычно отправился на плац.

Фу Цанчжоу тоже не забывал о духовных практиках. Покинув свою алую обитель и выйдя во двор усадьбы, он с удивлением обнаружил там раннего гостя.

«Неужели Его Величество пришел лично ко мне в такую рань?»

Его сердце испуганно затрепетало. Сяо Чжоу и сам не понимал причин своего страха — возможно, на него давило тяжелое монаршее величие.

— Мне пора возвращаться в столицу, — без лишних предисловий объявил император Не. — Возьми это.

Он протянул юноше точно такую же связку золотых монет на расписном шнурке. Сяо Чжоу растерянно уставился на подарок, испытывая весьма противоречивые чувства. Определенно, брат Чжэнь и Его Величество были плоть от плоти одной семьи — даже подарки они делали совершенно одинаково.

В этот раз отказываться он не стал. Глупо спорить с волей старших, тем более если эти старшие правят страной.

— Премного благодарен, Ваше Величество, — склонил голову юноша.

Император Не лишь небрежно махнул рукой, показывая, что это сущие пустяки. Он долго и молча разглядывал молодого повелителя призраков.

Едва успокоившийся Фу Цанчжоу снова напрягся. Ему не давал покоя странный, тяжелый взгляд императора. В нем не было злости, брезгливости или праздного любопытства. Скорее... Да, этот взгляд был невероятно сложным и глубоким.

Спустя долгое время император Не тихо вздохнул:

— Когда-то у младшего брата была кошка.

Фу Цанчжоу растерялся.

«К чему это он вдруг вспомнил о домашних питомцах?»

Правитель выглядел печальным, словно его терзало давнее сожаление. Он продолжил, глядя куда-то вдаль:

— Он подобрал ее на улице совсем израненной. Выхаживал, не смыкая глаз, отдавал ей всю свою заботу. Но... — Император покачал головой. — Спасти ее так и не удалось.

Юноша лишь удивленно моргал, не зная, как реагировать на столь неожиданное откровение. Эта история совершенно не укладывалась у него в голове.

— После ее смерти брат Чжэнь долгое время походил на живого мертвеца... — тихо произнес император. — Я до сих пор виню себя за то, что ничем не мог ему помочь.

Сяо Чжоу ошеломленно молчал.

«Кто бы мог подумать, что брат Чжэнь так нежно привязан к животным?»

Впрочем, сейчас Су Чжэнь точно не производил впечатления безутешного страдальца. Или все дело в его вечной, непроницаемой холодности? Неужели это горе навсегда изменило его характер?

Император Не вздохнул еще раз и прошептал, словно обращаясь к самому себе:

— Но то, что происходит сейчас... это к лучшему. К лучшему.

С этими словами он развернулся и стремительно направился к своим каретам.

Молодой повелитель призраков так и остался стоять на крыльце с открытым ртом.

«И ради этого туманного монолога правитель лишил себя сна в праздничное утро?»

<http://bllate.org/book/19708/2001275>